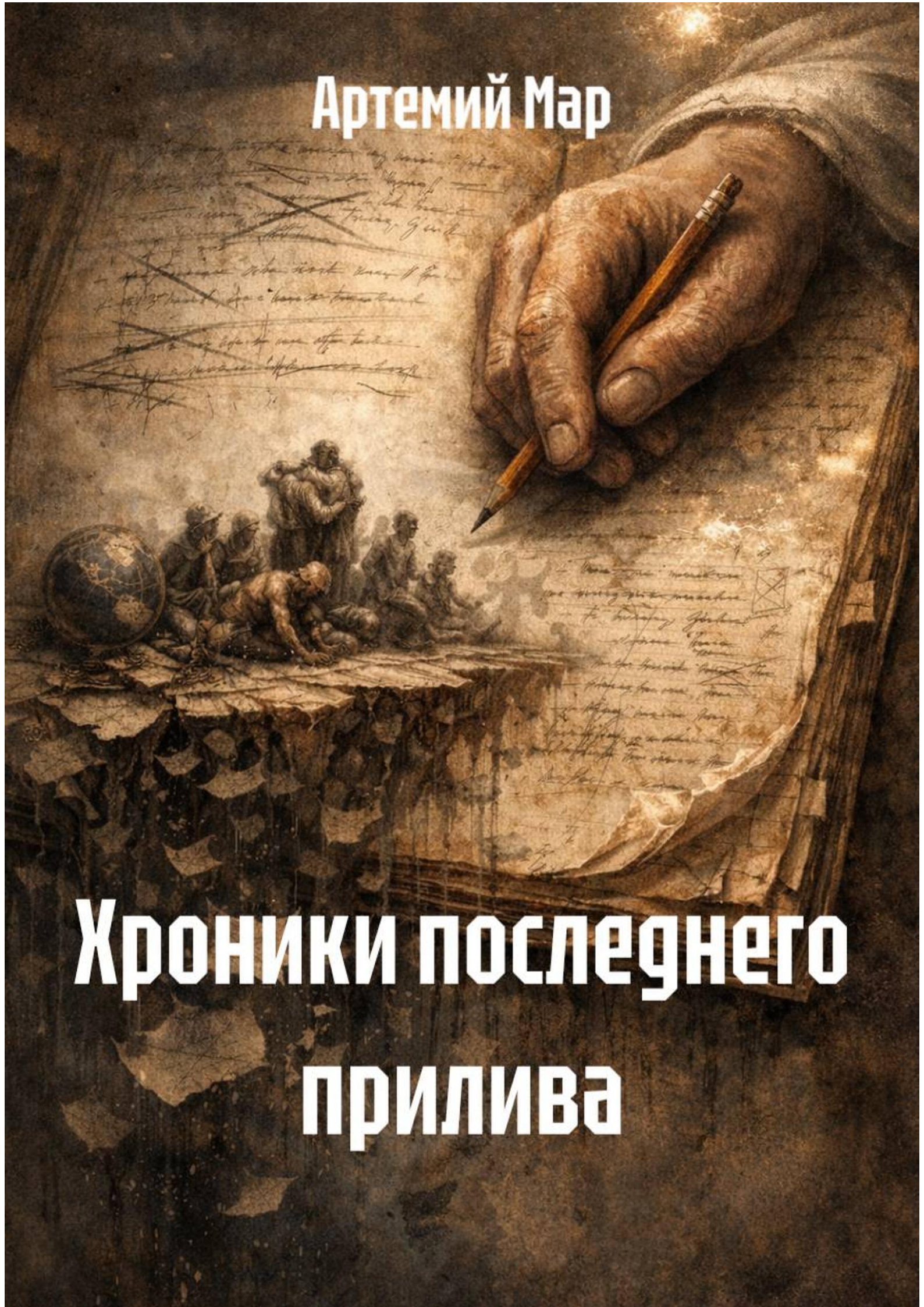

Артеми́й Ма́р

Хроники последнего прилива

Арте́мий Ма́р

Хроники последнего прилива

«Автор»

2026

Мар А.

Хроники последнего прилива / А. Мар — «Автор», 2026

Что, если наша цивилизация — лишь черновик, а Творец заглядывает через плечо, готовясь перевернуть страницу? Когда океанолог Артемий Голубев возвращается домой после шторма, семья понимает: он умер. А то, что дышит теперь в его теле, — древнее, как сама Земля. Древние, разум океана, пришли не завоевывать мир, а стереть «неудачный черновик» человечества. Но вместо гибели семья Голубевых получает шанс стать последним архивом уходящей цивилизации. Им предстоит пройти путь от ужаса к пониманию: построить рай, населенный призраками прошлого, принять свою боль как величайший дар и научить бессмертных богов тому, что умеет только человек, — прощать, любить и ошибаться. Ведь, возможно, наша главная ценность не в совершенстве, а в умении превращать шрамы в узоры, а ошибки — в цветущие сады. Трилогия производит ошеломляющее впечатление. Это не просто история о выживании или контакте, а глубокое исследование самой сути человечности.

© Мар А., 2026

© Автор, 2026

Артемий Мар

Хроники последнего прилива

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Эта история началась не с идеи, а с ощущения.

С запаха моря за окном, смешанного с гарью от далёких лесных пожаров.

С чувства, что наш мир – это хрупкий черновик, и кто-то заглядывает через плечо, чтобы перевернуть страницу.

"Хроники Последнего Прилива" – попытка понять, что может быть написано на следующей.

Эпиграф:

«Мы воображали себя венцом творения, а оказались лишь неудачным черновиком в записной книжке Бога».

– из последней записи доктора Артемия Голубева.

КНИГА ПЕРВАЯ: ЧЕРНОВИК БОГА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: СЛЕПЫЕ ДЕТИ

Глава 1. ВЫДОХ УМИРАЮЩЕГО ЧУДОВИЩА

Воздух в доме у губы Долгой был отравлен. Не химией – чем-то худшим. Он был густым, как желе, и каждый вдох обжигал лёгкие незримой сажой, словно мир дышал в последний раз. Лидия Голубева стояла у окна, вглядываясь в свинцовую гладь Баренцева моря, и думала об одном: их сын вернулся мёртвым. Тридцать три дня он считался погибшим. Тридцать три дня она молилась. А теперь он был здесь, в соседней комнате, дышащий, ходящий, и от этого было в тысячу раз страшнее.

Потому что это был не её Артемий.

Настоящая катастрофа началась не с горящих городов на экране телевизора. Не со слов дикторов об «эскалации» и «непреодолимых разногласиях». Она приползла к их порогу в ту самую ночь, когда море взбесилось по-библейски, утащив на дно и его, и разум. А теперь вернула. Изменившим.

Лидия украдкой взглянула на мужа. Алексей, инженер, строивший маяки для этого негостеприимного моря, сидел в кресле, сломанный. Его сильные руки беспомощно лежали на коленях. Он смотрел на экран, где мир медленно сползал в войну, но его взгляд был пуст. Он понял. Война на экране – лишь тревожный шум, фон. Настоящая же пришла к ним в дом. И смотрела на них глазами их сына.

Она вспомнила то утро. Как на пороге стояла его фигура, залитая бледным, больным светом полярного утра. Худая, почти прозрачная. Кожа отливала мертвенной синевой и была холодной и влажной на ощупь, как у глубоководной рыбы. Но самое страшное – глаза. В них плавала муть, а взгляд был устремлён куда-то *сквозь* неё, сквозь стены, в иную реальность.

И его голос. Звук, от которого стыла кровь.

«Мать, – сказал он, и тысячи ракушек, казалось, перетирались под водой в его горле. – Меня забрали те, кто был до нас. Те, кто смотрит на нас из бездны».

За стеклом, в серой мути полярного дня, носились чайки с хриплым, надорванным карканьем. Лидии казалось, они выклевывают последние остатки прежнего мира. Того мира, где её сын был просто океанологом на заброшенной станции, а не вестником чего-то древнего и невыразимо чужого.

И теперь это Нечто дышало в их доме. И с каждым густым, тяжёлым вдохом Лидия чувствовала: это только начало. Начало конца, выдыхаемого умирающим чудовищем, которое открыло глаза на дне моря.

Глава 2. КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ ОКЕАНА

Алексей Голубев наблюдал за сыном с растущим, тошнотворным отчаянием, которое подступало к горлу комом. Этот мальчик, когда-то с восторгом разбиравший старые радио-приёмники, чьи пальцы могли заставить заговорить любую сломанную технику, этот Артём, с детства панически боявшийся даже зайти по колено в ледяное, колющее Баренцево море, теперь проводил дни на обрывистом берегу, неподвижный, как скала, о которую разбивались волны. Он стоял, повернувшись лицом к серой пустоте, в то время как по радио, из старого репродуктора «Ригонда», хрипло передавали сводки о применении кассетных боеприпасов под Курском. Грохот накатывающих волн, шум прибоя и ветра сливался с грохотом взрывов из динамиков, создавая единую, оглушительную симфонию конца, и Алексей не мог понять, где кончается море и начинается ад.

Его сын был не просто «не в себе». Он был маяком для чего-то другого.

А потом Артемий начал рисовать. Не пейзажи или портреты, какими он увлекался в юности, а сложные, пульсирующие, почти живые узоры. Он выводил их на стенах своей комнаты, на полу, на оборотной стороне обоев чем-то липким и тёмным, пахнущим йодом, гниющими водорослями и чем-то ещё – сладковатым и омерзительным, как запах разложения на берегу после шторма. Узоры напоминали то ли карты звёздного неба, видимые со дна океана, то ли нейронные сети неведомого, колоссального существа, то ли схемы непостижимых машин. Иногда, глядя на них при определённом свете, Алексею чудилось, что линии шевелятся, перетекают одна в другую, словно пытаясь что-то сообщить.

Но настоящий удар, леденящее открытие, принесла не эта тихая безумная работа. Его принесла Маша.

Дочь-подросток вбежала в дом, сжимая в ладонях находку. Она была похожа на идеально отполированное яйцо из чёрного обсидиана, размером с кулак. Но она была неестественно тёплой, будто только что извлечена из чьего-то тела, и тяжёлой, несоразмерно своему объёму.

«Папа, он разговаривает, – выдохнула Маша, её глаза горели не страхом, а восторгом ужаса. – Не словами. Как песня, которую ты слышал всегда, но забыл».

Алексей, инженер, веривший в вес, плотность и законы физики, с сомнением поколебавшись, взял камень. И мир перекосялся. Ладони, привыкшие к холодному металлу и шершавому бетону, вздрогнули. Камень вибрировал. Ему показалось, будто он держит чьё-то ещё бьющееся, живое сердце. От камня исходила едва уловимая вибрация, отзывавшаяся скулящей нотой в костях. В его гладкой, как стекло, поверхности пульсировали тончайшие сине-зелёные прожилки, словно вены. Ритм был медленным, неровным – *ба-дум... ба-дум-дум* – точь-в-точь как аритмичное сердце. Он держал в руках чужое, каменное сердце, выброшенное океаном.

И в этот миг из комнаты Артемия донёсся звук. Не человеческий. Низкое, булькающее щелканье, каким дельфины видят мир на эхолокации. Сын стоял в дверном проёме. Его мутные, устремлённые в никуда глаза теперь были прикованы к камню. В них вспыхнула искра. Это была искра *совпадения*. Деталь встала на место в чудовищном механизме.

Камень в руке Алексея дрогнул сильнее, его пульсация участилась, словно отозвавшись на зов. Алексей понял, что держит не просто артефакт. Он держит ключ. И дверь, которую он мог открыть, стояла перед ним в образе его сына.

Глава 3. ПЕРЕЗАГРУЗКА

Маша боялась спать. Раньше ночь была её убежищем, временем, когда можно было мечтать, читать при свете настольной лампы, слушать музыку в наушниках, отгораживаясь от скуки и тягот жизни в заполярной глуши. Теперь же, когда в эфире оставались лишь экстренные сообщения о новых бомбардировках, прерываемые гимнами и патриотическими маршами, дом наполнялся гулом. Низким, вибрационным, исходящим словно из-под земли, из самых фундаментных плит, заложенных её отцом. Этот гул входил в резонанс с тёплым камнем, который она спрятала в шкатулку, заставляя его светиться тревожным, учащающимся синим светом. Он проникал в кости, в зубы, отзывался в висках навязчивой, монотонной нотой, похожей на звон в ушах, но исходящим не изнутри, а извне, из самой планеты. Мир не просто сходил с ума – он *перестраивался* на клеточном уровне. И её брат был проводником.

Краны в доме Голубевых запели. А потом из кранов потекла солёная вода. Сначала тонкой, ржавой струйкой, с пузырьками воздуха, потом – мощным, непрерывным потоком, несущим с собой мелкий песок, обломки ракушек и тот же сладковато-гнилостный запах, что исходил от рисунков Артемия. Алексей бегал по дому, сжимая в руках разводной ключ, пытаясь перекрыть задвижки, но вода шла отовсюду – из кранов на кухне и в ванной, из душа, даже из унитаза. Она пахла океаном и чем-то ещё – чем-то бесконечно старым, прапамятью Земли, временами, когда континенты были юны и безжизненны. Дом на берегу, построенный им на века, превращался в аквариум для чего-то незримого.

Артемий заговорил в ту самую ночь, когда радио, захлебнувшись сиренами, объявило о всеобщей мобилизации. Он вышел в гостиную, где завывание репродуктора смешивалось с рёвом воды из кранов. Его голос был чужим, скрипучим, но в нём появилась страшная, нечеловеческая ясность, Артемий впервые заговорил связно.

Он рассказал им правду. Ту, что не уместилась бы в сводках новостей.

Они не прилетели из космоса. Они *всплыли*. Из чёрных бездн Марианской впадины, из вечного мрака и чудовищного давления, из тех мест, где жизнь кормится теплом земного чрева. Они были старше гор. Старше динозавров. Старше самой жизни на суше. Они не были «инопланетянами» – они были разумным Океаном, первичным сознанием Земли, её первым дыханием и последней мыслью.

«Они не сердятся, – говорил Артемий, и его глаза, казалось, видели не их, а бесконечные просторы подводных царств. – Они разочарованы. Мы были их надеждой, их лучшим творением. Они дали нам всё – этот прекрасный мир, разум, душу, способность любить и творить. А мы превратили рай в ад. Мы не развивались – мы деградировали. Мы не создавали – мы уничтожали. И теперь, когда наша болезнь стала смертельной для нас самих и заразной для них, они решили нас... перезагрузить. Стереть неудачный файл и начать заново».

Лидия смотрела на сына, и слёзы текли у неё по лицу. Но это были не слёзы по пропавшему мальчику. Она плакала от ужасающего прозрения, поняв, что её мальчик не просто сошёл с ума. Он стал пророком, гласом той силы, против которой ядерные бомбы были всего лишь детскими хлопушками. Гласом той самой материнской-и-смертельной силы, для которой наша война – всего лишь предсмертная агония клетки в организме, который уже решил её отторгнуть.

Вода из кранов хлестала с новой силой. И в её шуме теперь явственно слышался ритм. Такт. Отсчёт до начала Перезагрузки.

Глава 4. БИБЛИОТЕКА У ГОРЯЩЕГО ДОМА

Кульминация наступила в ту самую ночь, когда мировые лидеры, их лица, искажённые гримасой решимости и ужаса, объявили о переходе на высший уровень боевой готовности. Над хмурыми, изъеденными ветром скалами Кольского полуострова, в нарушение всех правил и договорённостей, с оглушительным ревом пролетали стратегические бомбардировщики, их

силуэты были зловеще красивы и неотвратимы, как жнецы. Их рёв разрывал небо, и казалось, что вот-вот треснет сама атмосфера.

Артём вошёл в гостиную. Он не шёл, а словно плыл, его движения были плавными и неестественными. Его глаза горели тем самым чужим, бирюзовым светом, который исходил от камня и из глубины океана.

– Пора. «Они ждут», — сказал он просто, и в этой простоте была бездна.

– Кто ждёт? Сын, сядь, ты не в себе! — Алексей жестом, резким и отчаянным, указал на экран, где над картой мира вспыхивали и сливались в кровавые пятна алые точки. — Начинается война! Настоящая! Нам нужно в укрытие, в подвал! Я всё рассчитал, мы сможем продержаться месяц!

– Укрытие не спасёт, — голос Артёма был холоден и безразличен, как глубинная вода, где нет ни страха, ни надежды. — Оно лишь отсрочит конец. Они — единственное спасение. Не от войны, а от нас самих.

Он повёл их к обрыву над бушующей губой Долгой. Ветер, свирепый и ледяной, срывал с губ слова, рвал одежду, но мысленный голос Артёма звучал в их сознании с невероятной, кристальной ясностью, как будто он всегда умел это делать, как будто эта способность дремала в каждом из них.

«Вы думаете, я ваш сын. Я — его воспоминание, его форма, его любовь к вам, но моя суть теперь старше вашего вида. Я помню, как выглядела эта земля без единого пятна снега, когда она дышала раскалённым паром и метаном. Я помню первый лёд, сковавший воду, и первый страх первого существа, выползшего на берег и оглянувшегося на уходящий океан. Мы дали вам разум, как дают ребёнку острый нож, надеясь, что вы научитесь им пользоваться. Мы ошиблись.»

Он повернулся к семье, и в его глазах плясали отражения далёких галактик и глубинных течений, рождение и смерть звёзд.

«Маша, в твоей ДНК — код чистого, ненасытного любопытства, без жажды разрушения. Папа, в тебе — стойкость скалы, но не её бездушие. Мама... в тебе — матрица сострадания, способного усыновить целый мир, принять всю его боль. Вы — не люди в том уродливом, самоуничижительном смысле, который вы сами себе придумали. Вы — архив. Флешка, на которую мы записали всё лучшее, что было в нашем эксперименте. Чтобы перезагрузить его без самоубийственных склонностей, но сохранив искру.»

И тогда океан вздохнул.

Вода в заливе, вздымавшаяся до небес, с оглушительным рёвом покатила назад, обнажая илистое, никогда не видевшее солнечного света дно, усыпанное странными образованиями, похожими на руины нечеловеческого города. И из пучины, беззвучно, нарушая все законы гравитации и физики, всплыло ОНО.

Это не был корабль. Это был живой город, сотканный из света, плоти и чёрной, как смоль, воды. Гигантское, многоглазое существо, сложенное из сияющего, жидкого радужного желе и тёмных, почти чёрных, плотных масс, поглощавших свет. Биолюминесцентные спирали сияли, как рукотворные туманности, а массивные, желеобразные структуры поглощали отблески далёких пожаров, впитывая агонию цивилизации. Существо, формация, разум — невозможно было определить. Оно было колоссальным, древним и безразличным к их человеческому ужасу, прекрасным и ужасающим одновременно. Оно было живым океаном, явившим себя.

В сознание Лидии хлынуло не слово, а знание. Холодное, неумолимое, как глубинный поток. Она увидела будущее: города, превращающиеся в стекловидный песок от жара, которого не выдержит камень, мировой океан, выкипающий и отравленный трупным ядом цивилизации, и этих древних существ, уходящих в последнее, отчаянное погружение в те бездны, что уже не смогут их защитить. Они забирали их не для изучения. Они забирали последний живой архив. Библиотеку у горящего дома.

Лидия посмотрела на мужа, увидела в его глазах крушение всех его маяков и расчётов, на дочь, в лице которой страх боролся с восторгом, на сияющего Левиафана, в котором была заключена сила, способная перекроить саму ткань реальности. И она сделала шаг вперёд, навстречу влажному, дышащему илу обнажившегося дна, к вечности, которую ей предлагали в обмен на её человечность.

Алексей, сжав руку Маши, шагнул следом. Они шли по обнажившемуся дну, по влажному илу, уходя всё дальше от мира, который они знали, навстречу миру, который только предстояло понять.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: АКВАРЕЛЬ ИЗ ПЛОТИ И СВЕТА

Глава 5. КОКОН

Первым ощущением было отсутствие боли – что само по себе было неестественно и пугающе для человеческого существа, чьё существование от первого крика до последнего вздоха измерялось болью и её предвкушением. Лидия открыла глаза – или то, что теперь выполняло их функцию, – и увидела мир, сотканный из света и памяти. Пространство вокруг текло как жидкость, струилось и переливалось, а время пульсировало неровными толчками, подобно аритмичному сердцу гигантского существа. Она была внутри Левиафана, но это была не утроба в привычном смысле. Это был кокон, интерфейс, библиотечный зал, где их сознания были подключены к непостижимому источнику.

Алексей стоял рядом, его форма тоже была непостоянной, текучей. Его руки – те самые, что когда-то возводили маяки, – теперь были испещрены мерцающими прожилками, похожими на карты морских течений. Он сжимал и разжимал пальцы, и в такт этому движению в толще окружающей их светящейся воды вспыхивали и гасли целые созвездия биолюминесцентных всполохов, хотя прямой, логической связи между жестом и светом не существовало – была лишь воля, мысль, рождающая реальность.

– Мы дышим, – тихо сказала Маша. Её голос звучал не в ушах, а прямо в сознании, мягко и нежно, как прикосновение. – Но не воздухом.

Они и вправду дышали водой, но процесс этот был обратен земному – они выдыхали кислород и вдыхали углекислый газ, их лёгкие, перестроенные на молекулярном уровне, работали как жабры, но в обратном направлении, отдавая в окружающую среду чистый O₂ и забирая отходы. Лидия посмотрела вниз. Её тело было тем же, узнаваемым, но под кожей, как под льдом северной реки, пульсировал мягкий, ритмичный синий свет, и она ясно чувствовала, как кровь течёт одновременно в противоположных направлениях, создавая внутри неё замкнутый, вечный круговорот.

Артемий парил в центре сферы, не касаясь ничего. Его форма постоянно менялась, причём все три состояния – прежний Артём, сияющая энергетическая сущность и нечто, напоминающее сложный кристалл, – существовали одновременно, накладываясь друг на друга. Это было невозможно для человеческого восприятия, но их новое сознание принимало это как данность.

«Это не тюрьма, – прозвучало в их умах, и это был голос и Артемия, и чего-то бесконечно большего. – И не храм. Вы теперь – библиотекари уцелевшего знания. Хранители того, что должно быть сохранено.»

Глава 6. ЧТЕНИЕ ВОЛН

Их сознание начало расширяться скачкообразно, как Вселенная после Большого взрыва. Лидия узнала, что они – не единственные. В других, похожих коконах, разбросанных в теле Левиафана, как жемчужины в раковине, хранились иные «архивы». Она ощущала их присутствие, как ощущают соседей за тонкой стеной:

Учёный из Токийского университета – его сознание было шито с ритмами тектонических плит. Когда он думал, по его прозрачной, как стекло, коже пробегали сейсмические волны, а в глазах, глубоких как разломы, отражалось медленное, вечное движение материков. Он помнил не формулы, а сам вкус гравитации, цвет магнитных полей, музыку вращения ядра планеты.

Девочка-сирота с Амазонки – в её ДНК был записан генофонд вымерших лесов, вся сложнейшая экосистема, превращённая в пепел. На её плечах, прямо из кожи, расцветали орхидеи, которых больше не существовало в природе, а в волосах шелестели листья испарившихся деревьев. Она хранила в себе дождь, который никогда больше не прольётся на землю, и запах влажной земли после грозы.

Старый монах с Тибета – его мозг представлял собой живую, пульсирующую мандалу. Паттерны его многолетних медитаций пульсировали в такт космическому микроволновому фону, реликтовому излучению Вселенной, а тишина в его сознании была громче любого звука, она была бездной, в которой рождаются галактики.

Алексей, с его инженерным умом, пытался осмыслить это. Он понял, что «древние» воспринимали время не как линейную последовательность, а как единый, доступный для чтения блок. Для них Большой взрыв и гибель человечества были соседними точками в гигантской книге, которую они могли листать в любом направлении.

Но архив оказался повреждённым. Воспоминания о прошлом, об их человеческой жизни, начали просачиваться в их новое, упорядоченное сознание как хаотический, болезненный набор ощущений, образов и звуков. Это были не просто воспоминания, а призраки, которые тянули их назад, к тому, что они потеряли.

Маша, чьё сознание было самым гибким и восприимчивым, стала мостом между прошлым и будущим, между человеческим хаосом и порядком Древних. Через неё они все ощутили последние часы человечества не как историю, а как единый, пронзительный миг:

Капитан подводной лодки "Северный ветер" – он получил приказ выпустить ракеты. Его пальцы, холодные и влажные от пота, уже легли на кнопку, когда он услышал через гидролокатор пение горбатых китов – то самое, что он записывал много лет назад для своего маленького сына. И вместо кнопки пуска он нажал на механизм затопления, убаюкивая свой экипаж колыбельными из детства. Вода входила в отсеки, а он шептал в микрофон: "Спи, моя радость, усни..."

Старик в сибирской тайге – к его покосившейся избушке подошёл медведь-мутант с тремя глазами и кожей, покрытой кровоточащими язвами. Старик, не дрогнув, вышел на крыльцо с двумя жестяными чашками чая. "Садись, сосед", – сказал он. И медведь, скуля, сел на корточки, приняв чашку в свою страшную, изуродованную лапу. Они пили чай, глядя на зарево, полыхавшее на горизонте.

Мать в горящем городе – она бежала по руинам, прижимая к груди чужих детей. Свой ребёнок остался там, под обломками школы, но она собирала сирот, как собирают рассыпанные бусины, пытаясь нанизать их на нить своей жизни. Когда бетонная стена обрушилась на неё, она продолжала прикрывать детей своим телом, уже не чувствуя боли, только тепло маленьких, дрожащих тел.

«Самоубийственные склонности, – мысленно произнёс Алексей, и в его «голосе» звучало смятение. – Но мы также способны на это... это безумное, ничем не оправданное милосердие. На эту жалость.»

Сущность Артемия колебалась – пространство вокруг него пульсировало, свет мерцал. Казалось, даже Древние не знали, как реагировать на этот парадокс.

Глава 7. БУНТ АРХИВА

Именно Лидия, тихая и спокойная Лидия, совершила первый поступок, не предусмотренный программой «архива». Она не стала протестовать или пытаться сбежать. Она собрала

все свои воспоминания о сыне – не упорядоченные, как в базе данных, а именно так, как они хранились в её сердце: хаотический поток, где первое слово «мама» смешалось с его последним прощанием, где запах младенца переплетался с запахом моря на его холодной коже. Она вложила в этот пакет данных всю свою боль, всю свою любовь, всю свою человеческую, несовершенную тоску.

И она предъявила этот сгусток эмоций и памяти Океану, всему коллективному сознанию Древних:

«Вы забрали наш разум, наши знания, наши «лучшие» качества. Но вы не забрали нашу историю. Нашу боль. Нашу любовь. А без неё, без этой путаницы, без этих слёз и смеха, мы – просто идеальные, стерильные пустышки. Красивые обложки для книг, в которых нет текста.»

Левиафан, это колоссальное существо-город, содрогнулось. Но не как единое целое, а разными своими частями вразнобой. Одни биолюминесцентные спирали погасли, другие вспыхнули с ослепительной силой. Где-то вода внутри него закипела, а где-то – мгновенно превратилась в лёд. В сознании Древних, таком древнем и мудром, возник разлад, дискуссия, спор. Они впервые столкнулись не с объектом для изучения, а с собеседником, предъявляющим им свои условия.

Глава 8. СИМФОНΙΑ НЕСОВЕРШЕНСТВА

Кризис был неминуем. Единство Древних, державшееся миллиарды лет, дало трещину под напором человеческого чувства. В некоторых частях Левиафана вода горела синим пламенем, а лёд выпускал жар, плавящий камень. Казалось, их совершенная система вот-вот рухнет.

Именно Маша, мост и синтезатор, нашла невозможное решение. Она не стала выбирать между порядком Древних и хаосом человека. Она взяла память о страхе – животном, парализующем страхе перед темнотой и смертью – и создала из него гибрид страха и любопытства, то самое чувство, что заставляет учёного спускаться в пещеру или космонавта – лететь к звёздам. Взяла память о горе – всепоглощающем горе утраты – и создала из него болезненную, пронзительную чуткость к чужой боли, основу эмпатии. Взяла память о ярости – слепой, разрушительной ярости – и создала из неё слепую же ярость против несправедливости, двигатель революций.

Алексей, наблюдая за дочерью, предложил системный подход. Он говорил с Древними на языке логики, который они могли понять.

«Ваша сила – в единстве. Наша сила – в индивидуальности, в противоречии. Вы не можете выбрать одно, отвергнув другое. Предлагаю создать симбиоз на основе принципа дополненности – когда две противоречащие друг другу вещи оказываются одновременно истинными. Вы – память Земли. А мы – её сны. Её совесть. Её боль. Без нас вы – лишь холодная летопись. Без вас мы – лишь бред умирающего.»

Они предлагали не усовершенствовать систему, а заразить её вирусом творческого безумия. Сделать её живой в самом человеческом понимании этого слова – уязвимой, страдающей, но и способной на бесконечное удивление.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ПЕРВАЯ СЛЕЗА ЗЕМЛИ

Глава 9. ПРА-ПАМЯТЬ

Сознание Лидии тонуло в океане воспоминаний, которые не были её собственными. Она видела мир без Луны – горячий, бурлящий, где суша была лишь временной, тонкой коркой на теле расплавленной, юной планеты. В этих кипящих водах, среди чёрных курильщиков гидротермальных источников, извергавших серу и жизнь, зародилось Оно – не существо, а процесс, не жизнь, а сама идея жизни, первичный ритм, который будет биться в такт с пульсом планеты, следующие четыре миллиарда лет.

«Мы не эволюционировали, – звучал в её сознании голос, похожий на гул тектонических плит, на скрежет сталкивающихся континентов, на шёпот окаменевших времён. – Мы всегда были. Сначала как химический ритм, автокаталитический цикл. Потом как нервная система планеты, её чувствительность. Мы – та сила, что ищет равновесия, но порождает хаос в его поисках.»

Алексей наблюдал, как меняется его тело, ставшее теперь инструментом диалога. Его кожа то становилась прозрачной, как стекло аквариума, открывая вид на текущие вместо крови биолюминесцентные потоки – целые реки и ручьи света, повторяющие рисунок глубинных течений Гольфстрима и Куроисио, – то снова обретала плоть, но уже иную, пронизанную мерцающими фибриллами, похожими на оптоволокно. В эти моменты прозрачности он видел саму структуру Древних, их связь с планетой.

«Они похожи на мицелий, – говорил он Лидии, их мысленные голоса переплетались в общем пространстве. – Но мицелий, раскинувшийся на всю планету, чья грибница – это океанические течения, а гифы – реки. Их «корабли», Левиафаны – это просто... плодовые тела. Спороношения, которые они выпускают в критический момент.»

Маша, чьё сознание всё глубже сливалось с коллективным разумом, однажды вернулась из глубокого погружения со странными, рельефными следами на руках – отпечатками, напоминавшими окаменелости древних трилобитов, существ, которых не было сотни миллионов лет.

«Они помнят всё, – шептала она, и в её мысленном шёпоте звучал отзвук бесконечности. – Каждую каплю дождя, упавшую за четыре миллиарда лет. Каждое существо, которое когда-либо жило, от археи до синего кита. Они – библиотека Земли, живая и дышащая, а мы... мы были всего лишь одной книгой на самой дальней полке. Очень странной, очень противоречивой книгой.»

Глава 10. ШРАМЫ НА ТЕЛЕ РАЗУМА

По мере погружения в коллективную память Древних они начали замечать пустоты – не пробелы в памяти, а нечто иное, более значительное. Целые пласты информации, окружённые молчанием, словно обнесённые невидимой стеной скорби. Лидия, блуждая по лабиринтам чужого сознания, наткнулась на одну из таких «запечатанных комнат». От неё веяло холодом, более древним, чем сама Солнечная система, холодом пустоты и потери.

«Что это?» – мысленно спросила она, касаясь края этой пустоты.

«Ошибки, – прозвучал ответ, и в нём впервые слышалось нечто, напоминающее человеческую усталость. – Наши ошибки. Наша боль.»

Алексей, с его инженерной прямолинейностью, пытался картографировать это коллективное сознание. Он представлял его как сложнейшую нейросеть, но сеть эта была живой, её узлы пульсировали в ритме приливов и отливов, а связи между ними пели хором китов и шумом штормов.

«Они не просто помнят, – сказал он Лидии. – Они сожалеют. Эти «пустоты» – не пробелы. Это шрамы. Рубцы на теле их разума. То, что слишком больно вспоминать.»

Маша подтвердила его догадку, вернувшись из очередного слияния с бледным, почти прозрачным лицом.

«Они испытывают вину. За всё, что пошло не так. Они чувствуют себя плохими родителями.»

Через Машино сознание, как через чистое стекло, они увидели начало. Тёплые приливные лужи, «первичный бульон», где аминокислоты под их незримым, осторожным руководством складывались в первые белки, в первые РНК.

«Мы создали вас не из глины и не из праха, – объясняли они, и в их «голосе» звучали отголоски того первого, решающего эксперимента. – Мы создали условия. Запустили процесс. И ждали.»

Ждали три миллиарда лет.

Артемий – или то, что от него осталось, его душа, ставшая проводником, – показывал им ключевые моменты.

«Смотрите, – говорил он. – Вот первые многоклеточные. Выход жизни на сушу – наш общий, страшный и прекрасный шаг в неизвестность. А вот... наш общий провал.»

Они увидели момент, когда в мозге примата, сидевшего на ветке и смотревшего на заходящее солнце, возникла самосознание. Искра «Я». И как Древние, впервые за миллиарды лет своего безмятежного существования, испытали нечто похожее на волнение, на надежду.

«Мы думали, это будет прорыв. Что вы соедините мудрость планетарного сознания со страстью индивидуального. Что вы станете нашими глазами и ушами во Вселенной, нашими чувствами. Но вы... пошли другим путём. Вы замкнулись в себе.»

Самым шокирующим открытием для Алексея стала правда об индивидуальности Древних.

«Они сами когда-то имели её, – понял он, изучая глубинные, архаичные слои их памяти. – Они были множеством, как мы. Но их индивидуальность привела их к хаосу, к войне, которая едва не уничтожила планету на заре времён. И тогда они... добровольно растворили свои «я» в едином сознании, чтобы спасти Землю. Они убили в себе личность ради общего блага. И видят в нас... ту часть себя, которую они принесли в жертву. Ту дикую, свободную, опасную часть.»

И тогда Лидия задала главный вопрос, тот, что жёг её изнутри с момента их погружения:

«Зачем вы нас спасли? Если мы были ошибкой? Если мы – всего лишь напоминание о том, от чего вы сами отказались?»

Ответ пришёл не сразу. Он шёл через всю толщу их коллективного существа, через миллиарды лет памяти.

«Потому что в вашей жестокости была и красота, которую мы забыли. Вы создали музыку, глядя на звёзды. Вы писали стихи о любви, зная, что умрёте. Вы хоронили своих мёртвых и сажали деревья в их память. Это было уникально. И слишком ценно, чтобы исчезнуть. Мы не могли позволить, чтобы эта искра погасла навсегда.»

Глава 11. АНАТОМИЯ ЖЕРТВЫ

Древние показали им свою уязвимость. Они показали им свою «боль». Это был не нервный импульс, а распад связей, «мёртвые зоны» в их коллективном сознании, возникавшие там, где океан был отравлен, где кораллы вымирали, где пластиковый мусор ковром покрывал дно. Загрязнение океанов причиняло Древним физическую, реальную боль. Каждая нефтяная плёнка была для них как ожог. Каждый пластиковый пакет – как заноза, ведущая к заражению.

«Мы не могли больше терпеть. Это была не месть. Это была ампутация больного органа, чтобы спасти тело. Мы видели два варианта: погибнуть вместе с вами или... забрать лучшее, что было в вас, и уйти.»

Они показали им видение: что было бы, если бы они не вмешались. Человечество, деградировавшее в отравленном, выжженном мире, последние люди, жрущие друг друга на развалинах. И сами Древние, медленно угасающие от этой язвы, этого рака, имя которому – безответственный разум. Их жертва была актом отчаянного самосохранения и высшего, стоического милосердия.

И тогда, когда их корабль-Левиафан, изменившийся, вобравший в себя их человеческую хаотичность, приближался к новой, голубой планете, Древние показали им свою самую большую и страшную тайну.

Земля умирала. Но не из-за войны людей. Она умирала, потому что Древние, отдавая всю свою энергию, всю свою сущность на создание коконов, на спасение «архивов», на этот грандиозный исход, лишили её своего поддерживающего присутствия. Они были её душой, её иммунной системой. Забирая их, они обрекали её на медленную, но неотвратимую смерть.

«Мы не могли оставить вас здесь умирать, – прозвучал голос, полный нечеловеческой, геологической скорби. – Поэтому мы... забрали вас с собой. Мы выбрали вас вместо неё. Мы подожгли свой дом, свой единственный дом за миллиарды лет, чтобы спасти искру, которая когда-то упала в нас с вашим рождением.»

Лидия поняла. Их не просто спасли от апокалипсиса. Их усыновили. Взяли с тонущего корабля существа, которые сами подожгли этот корабль, чтобы дать им, последним пассажирам, шанс доплыть до другого берега.

«Вы жертвуете Землёй... ради нас?» – в её мысленном вопросе был ужас и благодарность.

Ответ пришёл в виде печального, тёплого импульса, похожего на объятие.

«Нет. Мы просто идём с вами. Как шли все эти миллиарды лет, наблюдая за вами из глубин. Просто теперь... мы будем ближе. Мы станем одним целым. Не библиотекой и архивом, а новой книгой, которую напишем вместе.»

Глава 12. НОВЫЙ БЕРЕГ

Новая планета была похожа на Землю в её юности, но без следов ядовитой цивилизации. Горячие океаны, молодые, дымящиеся вулканы, атмосфера, пахнувшая серой, метаном и надеждой. Левиафан, изменившийся до неузнаваемости, ставший одновременно кораблём, существом и садом, мягко вошёл в её воды.

Лидия стояла на берегу нового мира. Под ногами был чёрный вулканический песок, а над головой – два солнца, одно жёлтое и тёплое, другое – маленькое и голубое. Рядом с ней мерцала, переливаясь, сущность, когда-то бывшая её сыном. Алексей и Маша стояли рядом, держась за руки, и в их глазах светился тот же сложный, смешанный свет, что и в глазах Левиафана – свет вечности и сиюминутного счастья.

«Что теперь?» – спросила Лидия. – Будете создавать новое человечество? Совершенное и лишённое наших пороков?»

Ответ был наполнен усталостью, но и новой, странной нотой – нотой интереса.

«Нет. Теперь... мы будем учиться у вас. Вашей способности ошибаться, падать и подниматься. Вашей способности любить так, что это больно. Возможно, в этом хаосе, в этой непредсказуемости и была главная цель. Мы искали совершенства, а нашли... жизнь. Настоящую.»

Алексей присоединился к ним, его рука, теперь пронизанная светом, легла на плечо Лидии.

«Значит, мы не ошибка? Не неудачный черновик?»

Пространство вокруг содрогнулось, и в этом содрогании было что-то похожее на старый, добрый, человеческий смех.

«Ошибка? Нет. Вы были... нашей первой любовью. А первые любви, даже самые горькие, даже самые безумные, всегда остаются в памяти самыми яркими. Самыми живыми.»

И где-то в глубине океана новой планеты, в тёплых водах у гидротермального источника, забилось сердце – странное, двойное, состоящее из мудрости планетарного сознания и хрупкой, отважной человеческой души. Начиналась новая история. История не творца и творения, а со-творцов. История примирения, в котором проиграли все и выиграл – новый, непредсказуемый мир.

Эпилог:

«Бог мертв; и люди – его убийцы», – писал Ницше. Но мы убили не Бога, а своих создателей, отравив их колыбель. Их уход с последними образцами стал актом высшего милосердия к пациенту, неизлечимо больному собственной природой. И, в конечном счёте, они просто

последовали совету Эйнштейна: «Ни одну проблему нельзя решить на том же уровне сознания, на котором она возникла». Они забрали нас, чтобы поднять на следующий. Но поднявшись, мы обнаружили, что и они сами нуждались в том, чтобы мы подняли их. Так что, в конечном итоге, мы спасли друг друга. И, возможно, в этом и был единственно верный ответ.

КНИГА ВТОРАЯ: ТЕНИ НОВОГО ЭДЕМА

Эпиграф:

«Мы вообразили, что создаем рай, забыв, что принесли с собой все грехи старого мира. Рай, построенный на вытесненных воспоминаниях, – это хрустальный дворец, стоящий на пропасти».

– Из голографических скрижалей Алексея Голубева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ХРУСТАЛЬНЫЕ ДЕТИ

Глава 1. ПЕРВЫЙ ВЗДОХ НОВОГО МИРА

Воздух был густым и сладким, пахнувшим одновременно пылью, озоном и чем-то неуловимо биологическим – ароматом жизни, которой никогда не существовало на Земле. Лидия сделала первый самостоятельный вдох, и ее легкие, месяцы работавшие как жабры, сжались в мучительном спазме. Боль была острой, почти невыносимой, и в этой боли заключалась странная надежда – если она все еще способна чувствовать такую примитивную физиологическую боль, значит, в ней осталось что-то человеческое.

Она стояла на берегу моря из жидкого метана и кремниевого песка, который переливался всеми оттенками серебра и свинца, словно кто-то рассыпал по берегу расплавленные драгоценности. Над головой плыли три луны разных размеров – кроваво-красная, ледяно-голубая и ядовито-фиолетовая, отбрасывая перекрывающиеся тени, которые сплетались в причудливые узоры, словно гигантский калейдоскоп, управляемый рукой безумного бога.

Левиафан, принесший их сюда, медленно растворялся в волнах. Его биолюминесцентные спирали постепенно гасли одна за другой, словно последние огни уходящего в ночь корабля. Его уход был похож на исчезновение Бога, который, выполнив свою миссию, ступив, оставив творений наедине с самими собой и своим несовершенством.

Маша, теперь почти полностью состоящая из биолюминесцентных узоров, пульсировавших в такт каким-то внутренним, нечеловеческим ритмам, подошла к кромке прибоя. Ее пальцы, полупрозрачные и мерцающие холодным светом, касались фиолетовой пены, и та на мгновение застыла, превращаясь в хрупкие стеклянные цветы неземной красоты, которые тут же размывались следующей волной.

– Они уходят, – сказала она беззвучно, но ее слова отозвались эхом в сознании Лидии и Алексея. – Но не полностью. Они будут наблюдать. Как родители наблюдают за ребенком, сделавшим первый шаг. С гордостью и страхом.

Алексей пытался построить дом. Его руки, помнящие ремесло, дрожали. Камень не поддавался, древесины не было. Все, что он создавал, рассыпалось, как песок, или принимало формы, не предусмотренные его инженерным замыслом. Его разум, некогда покорявший земные стихии, оказался бесполезен в мире, где законы физики были лишь рекомендацией, а материя была податлива, как воск, но лишь для определенного типа мысли.

И вдруг, отбросив раздражение, он закрыл глаза. Он перестал бороться с миром и позволил ему течь сквозь себя. Вспомнил, как Левиафан творил целые миры из пустоты – не силой, а намерением. Не «я должен построить стену», а «здесь будет стена, защищающая от ветра». Он представил не груды камней, а Дом. Место, где пахнет хлебом и смолой, где слышен смех детей, где теплый свет окон встречает усталых путников. Он вложил в этот образ не расчет, а тоску по уюту, которую пронес через всю жизнь, через войну и гибель Земли.

Пальцы его разжались. И камень у его ног... вздохнул. Твердая порода потекла, как мед, сверкая прожилками чистого света. Она поднялась, изгибаясь в плавных, почти органических линиях, формируя не квадратные стены, а нечто вроде раковины или распутившегося бутона. Стены были полупрозрачными, и в них пульсировал мягкий, золотистый свет – тот самый, что он только что представил. Это был не дом в человеческом понимании. Это была идея дома, воплощенная в камне.

Алексей отшатнулся, пораженный. Это было страшнее и прекраснее всего, что он видел. Он не строил. Он... мечтал, а мир послушно воплощал его сны. *Боги так не строили*, – пронеслось у него в голове. *Они пели, и миры рождались из звука. А мы... мы просто вспоминаем вслух.*

Лидия, наблюдая за ним, почувствовала в сердце не страх, а вспышку ликования. Она обернулась к незнакомому пейзажу, и его чуждая красота внезапно перестала быть угрозой. Она увидела не пустыню, а чистый холст. Ее взгляд упал на странное растение, похожее на спираль из синего стекла. «А если бы оно пело?» – подумала она, и губы ее тронула улыбка. «Колокольчики, звенящие от дуновения ветра... но не просто звук, а цвет, который можно потрогать». Ей уже не терпелось попробовать. Они были слепыми, которым внезапно вернули зрение, и теперь мир был переполнен красками, ждущими своего имени.

Глава 2. НАСЛЕДИЕ ДВОЙСТВЕННОСТИ

Новая жизнь оказалась изощренным кошмаром несовместимых воспоминаний. Лидия просыпалась ночами от того, что ее тело одновременно было телом молодой матери, качающей младенца, и древней амебы, делящейся в теплом первичном бульоне. Она чувствовала нежную кожу щеки сына и в то же время – давление океанских толщ, сдавливающее одноклеточное тело. Эти ощущения накладывались друг на друга, создавая невыносимый диссонанс, от которого хотелось кричать.

Алексей видел сны на языке Древних, сны, которые были скорее переживанием геологических эпох, нежели нарративом. Ему снилось движение тектонических плит как медленный, величественный танец, рождение звезд в туманностях – как личную, интимную трагедию и триумф. А просыпался он с криком, зажатый в горле, с памятью о вкусе земного хлеба и ввевшемся в кожу запахе дизельного топлива от старых, верных рук, державших инструмент. Разрыв между вечностью и мгновением разрывал его сознание.

Маша стала точкой сборки этого хаоса, живым интерфейсом между двумя реальностями. Ее сознание, самое гибкое и восприимчивое, научилось фильтровать бесконечные потоки. Она интуитивно создала первый «язык» – гибрид биолюминесцентных сигналов, тактильных образов и обрывков земных языков, сложную систему коммуникации, позволяющую хоть как-то упорядочить внутренний хаос.

Но самое страшное ждало их, когда они обнаружили, что могут читать не только воспоминания Древних, но и самые сокровенные, самые потаенные мысли друг друга. Стыд, страх, мелкие подлости, мимолетные слабости – все стало общим достоянием. Первый месяц их нового рая прошел в мучительных попытках выстроить психические барьеры, возвести стены в собственном сознании, что было сродни попытке остановить дыхание. Прозрачность оказалась самым тяжелым испытанием.

Однажды вечером, когда три солнца ушли за горизонт, оставив небо на попечение разноцветных лун, они сидели у стены дома-раковины, который Алексей назвал «Ульем». Отчаяние почти одолело их. И тогда Маша, глядя на мерцающие в ее руках узоры, сказала (и мысль ее пролилась в их умы ясным, холодным ручьем):

– Мы боимся этого, потому что ищем защиту. Но что, если искать не защиту, а гармонию? Мы не можем остановить реку, но можем научиться плавать.

Она протянула руки, и над ее ладонями вспыхнул трехмерный образ. Это был чертеж Алексея – не инженерный, а скорее музыкальный, сеть из сияющих линий и узлов. Рядом поплыли воспоминания Лидии – запах дождя по пыльной московской мостовой, ощущение первой детской любви, горьковатый вкус полыни. Маша не пыталась их заблокировать. Она сплела их вместе, как нити. Страх Алексея перед неудачей и нежность Лидии к сыну соединились в новую структуру – прочную, гибкую, живую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.